

Глава 24.

Элли не спала допоздна в ту ночь.

Она предполагала, что большинство людей тоже не лягут спать рано, поскольку официальный аккаунт уже анонсировал, что после полуночи станет доступен для просмотра новый короткометражный фильм о первозданном мифе «Небесные Цветы», созданный в основном силами «Зрочка».

Эта серия планировалась к продолжению, с целью просвещения публики об истории десятитысячелетней давности. Большинство людей знало, что в той истории существовали две противоборствующие силы, но Элли чувствовала, что никто по-настоящему не видел реальной силы тёмных существ так, как видела она.

Неголографические видео не только производились быстро, но и не требовали времени на загрузку. Поэтому ровно в полночь Элли открыла только что выпущенное видео от «Зрочка». На тёмно-сером экране редкие цветы густого алого цвета нежно опускались вниз. Закадровый голос принадлежал Святому, этому воскресшему святому из десятитысячелетней давности.

[В день, когда началась эра, богиня рассеяла небесные цветы.

В день, когда родился тёмно-серый мир, до того, как свет и тьма разделились, богини-близнецы, обхватив одной рукой руки друг друга и прислонившись друг к другу, смотрели вниз с облаков. Светловолосая богиня звалась Галотти, облачённая в небесно-голубое платье, она была младшей из близнецов. Черноволосая богиня звалась Фрейна, в платье густого алого цвета, старшая сестра. Долгое время две богини стояли, прислонившись друг к другу, глядя на маленькие, шевелящиеся, бесформенные существа на земле.

— Как жалки. — Сказала Фрейна. Она поднялась и разрежала ладонь своей руки. — Вкусите моей свежей крови, идите и размышляйте, идите и любите. В этом мире должно быть тысячи разных существ, у каждого своя мелодия. Я умоляю вас смело петь её во весь голос.

Стекающая кровь богини превращалась в густо-алые цветы, что падали на землю. С того момента все сущее в мире приняло бесчисленное множество различных форм.

Это и были небесные цветы.

Гравюра на дереве ничуть не умалила изящества богинь. Напротив, она добавила их образам самобытной насыщенности. Галотти с тоской смотрела на свою старшую сестру, в то время как Фрейна всегда глядела на землю с сердцем, полным сострадания.

Стало появляться всё больше богов, неистово танцующих вокруг богинь-близнецов. Галотти радостно кружилась вместе с толпой богов, затем оборачивалась, протягивая руки, чтобы

обнять старшую сестру.

— Смотри, сестра! Как блаженно быть богиней. Пусть празднество длится, пусть мы всегда будем вместе!

Но рукав густо-алого цвета Фрейны выскользнул из руки Галотти. Богиня поплыла вниз, к земле, в её глазах отражалось невиданное доселе. Под той землёй, в конце тьмы вечно текла река Подземного Мира.

Богиня влюбилась в глубокие, стремительные потоки реки. Она добровольно взяла на себя тяжесть всех мёртвых душ мира. Она сбросила своё божественное покрывало, оставив свою божественность и силу младшей сестре, и с безграничной любовью приняла в объятия реку Подземного Мира.

Она стала невестой реки Подземного Мира.

С того момента в мире появились свет и тьма, рассвет и закат. Одни существа трудились на восходе, другие на закате; одни отдыхали на восходе, другие на закате. Хотя их ритмы различались, они всё равно любили друг друга. Оставшаяся богиня, Галотти, была коронована как Богиня Света. Она смотрела на землю, тоскуя по старшей сестре.

Но Бог Клеветы шептал ей.

Галотти опустилась на колени на облаках и заплакала, её слёзы превращались в огонь. Пламя божественной войны достигло берегов реки Подземного Мира. Тёмные боги, почитавшие реку, яростно сражались в ответ. Трупы богов громоздились горами, а существа на земле претерпели великое бедствие. Фрейна пролиwała слёзы. Она оставила при себе младшего ребенка, а троих старших отправила на поверхность.

Левиафан охранял моря, не давая водам выйти из берегов, чтобы существа могли добывать ресурсы из океана, а корабли — путешествовать и поддерживать сообщение. Бегемот обвивал землю, преграждая путь холодным ветрам с севера, позволяя временам года сменять друг друга и не допуская вечной зимы. Цичжи вечно летал в одиночестве в небе, будучи глазами матери, наблюдая за всеми существами на земле.

Но сердце Галотти было подобно железу и золоту. Она верила, что старшая сестра забыла и предала её. Она поклялась отомстить.

Две богини сошлись в поединке на берегах реки Подземного Мира. Галотти обладала сильнейшей божественной силой и высшей властью, но даже столь безмерная мощь не могла причинить вред богине, уже слившейся с рекой Подземного Мира. Не желая смириться и испытывая боль, она издала скорбный вопль, обращённый к реке.

— Это ты! Ты покинула меня!

Она рассекла реку своим мечом, разрезав струящееся платье богини, плывущей внутри. Но когда волны взметнулись, а подол платья взлетел, то, что выпорхнуло, подобно мерцающему, похожему на газ, рыбьему хвосту, было младшим ребёнком богини, маленькой красной рыбкой. Каждый изящный взмах её плавников был зеркальным отражением кружащихся подолов, что они когда-то носили среди пиршеств богов.

Оказывается, её никогда не забывали.

Шёпот Бога Клеветы был разрушен.

Богини-близнецы обняли друг друга, точно так же, как в начале, когда они сидели на облаках. Они делились всем, что случилось с момента разлуки, говоря на протяжении трёх тысяч дней и ночей. Когда миновала третья тысячная долгая ночь, богини, сердца которых освободились от всех уз, заключили договор. Небесные боги удалялись, и с тех пор мир предоставлялся существам на земле.

Но даже когда боги ушли, клевета всё ещё сеяла ненависть по земле.

Под тенью темно-фиолетовой клеветы появилось огромное колесо, катящееся по лесам и озёрам, сокрушая под собой процветающие города. Всё больше и больше трупов падало на его пути. Чёрное и белое постоянно сталкивались, с чёрной луной и белым солнцем, попеременно доминирующими. Во время владычества белого солнца, под сенью крыльев и рогов, старейшина Святого Храма высоко поднимал свой скипетр, провозглашая грандиозный тысячелетний замысел. Под сиянием чёрной луны, среди холодного блеска шипов и чешуи, юноша с крыльями, подобными крыльям летучей мыши, обнажал клыки, призывая вечную тьму.

Колесо неумолимо катилось вперёд, а кровь и смерть следовали за ним по пятам, словно тени. Медленно по его поверхности начали ползти вверх языки пламени.]

Голос Святого спокойно повествовал о временной шкале войны, в то время как на заднем плане звучали бесконечные вопли и рыдания.

[До самого конца, в день, когда эра завершилась...

Падало не цветение].

Экран потемнел.

[Лишь огонь низвергался дождём, вытягивая длинные хвосты пламени в падении, приземлялся с рёвом, а затем затихал.]

Алексио смотрел на разбросанные по полу документы. Он поднял руку, и под контролем его ментальной силы бумаги всплыли и вновь аккуратно сложились на крышке гроба. Святой тоже молчал, но его рука, лежащая на гробу, сжалась так сильно, что костяшки побелели.

— Итак, теперь мы знаем правду.

Спокойно произнёс Алексио, глядя на Святого. Святой тоже смотрел на него, но Алексио не был силён в чтении чужих эмоций и, как обычно, не пытался.

— Это хорошая вещь.

Алексио всегда считал, что знание причины — это первый шаг к решению проблемы. Раз разрушение мира было вызвано коллапсом трёх столпов Тьмы, то нынешний дисбаланс между светом и тьмой, вероятно, был побочным эффектом.

Поэтому он подумал, что, возможно, они могли бы попытаться установить нечто подобное тем трём столпам. Он предположил, что некоторые тёмные существа могут играть ключевую роль, такие как оборотень и лич, которых он видел ранее. Эти двое были когда-то хранителями трёх столпов Тьмы, и он был с ними относительно знаком.

— Значит, теперь появилась новая цель. — Алексио даже почувствовал некоторый прилив сил от вызова. Он видел, что Святой смотрит на него, не моргая, и просто протянул руку. — Хочешь объединить усилия?

Рука вампира была раскрыта перед ним. Резкая боль в левом глазу усилилась, почти как наказание, что заставило его осознать, насколько беспокоен он был внутри.

Тот священный, благородный мир рухнул. Он был соучастником его разрушения, но вампир ничего не сказал об этом. Дело было не в том, что вампиру было безразлично разрушение предыдущей эры, скорее он не верил, что Святой действительно был соучастником, и уже готовился, с безжалостной эффективностью, сделать следующий шаг.

— Таким, как ты есть, я знаю, ты, должно быть, тонешь в чувстве вины. — Алексио подумал о неустойчивой натуре безумца и осторожно попытался утешить его.

Это был первый раз, когда он вообще пытался кого-то так утешать. Обычно к тому времени, когда безумец появлялся перед ним, он уже полностью восстанавливал самообладание.

— Тогда давай скажем, что объединение усилий — твой путь к искуплению, хотя я не думаю, что ты следовал плану Святого Храма до конца... — Алексио предположил, что он, вероятно, прав. В конце концов, маловероятно, что безумец не устроил бы проблем.

Его рука всё ещё была протянута в жесте приглашения. Святой посмотрел на него, а затем поднял свою руку.

— Я... приложу все усилия.

Как раз когда он собирался положить руку на руку Алексио, тот внезапно отдернул свою. Святой подумал, что тот передумал, но вампир приблизился, пристально глядя на его левый глаз.

— У тебя в левом глазу что-то блестит.

«!»

— Ты плачешь от умиления?

«...»

Нет, всё было не так!

Алексио было искренне любопытно, что же сверкало в глазу безумца. Он никогда не видел такого раньше. Этого не должно было быть.

Поэтому он протянул руку, намереваясь придержать безумца и раздвинуть ему веки, чтобы увидеть, что же это такое на самом деле.

— Не трогай! — Выражение лица Святого слегка изменилось. Боль в левом глазу достигла пика.

В шокированных глазах вампира он увидел, как длинная цепь с шипами развернулась, один конец был глубоко вонзён в его левый глаз, в то время как хвост дёргался, словно живое существо, почти как некая зловещая сущность!

В глазах святого есть только чёрное и белое.

Эта мысль посетила его.

Выражение лица Алексио стало серьёзным. Он предположил, что это, вероятно, инструмент, который Святой Храм использовал для контроля охотников. После узнавания правды вера безумца серьёзно пошатнулась, и вот, в наказание, это высвободилось из его тела. Он не знал, сможет ли он сейчас спасти глаз безумца, но если не попытаться, последствия будут хуже.

Он протянул руку к цепи, извивающейся и кружащейся в воздухе. Его плавное движение внезапно изменилось на полпути, и с быстротой молнии он схватил эту змееподобную штуку. Шипы впились в его ладонь, но выражение лица Алексиса не изменилось. Вместо этого он намотал цепь на руку несколько раз.

Кровь вампира окрасила цепь, словно зараза. Бледная, полупрозрачная цепь расцвела тёмно-красными цветочными узорами.

Тем временем Элли, которая зацикливала видео «Небесные Цветы», вытерла нос, когда на экране показывали, как богиня разрезала ладонь и разбрасывала цветы.

Закадровый голос был спокоен:

[В день, когда началась эра, Богиня разбросала небесные цветы.]

— Что это за чёрт... — Алексис стиснул зубы, сжимая бьющуюся в конвульсиях цепь, оскаливаясь от боли, но боль лишь подпитывала его свирепость. Он должен был вытащить эту отвратительную штуку!

— Тащи! — сквозь боль произнёс Святой. — Даже если я потеряю этот глаз!

Алексис без колебаний приготовился к рывку. С его угла обзора он теперь ясно видел объект, вонзённый в глаз безумца: полупрозрачный клин.

Неистовствующая шипастая цепь дико хлестала вокруг. Как раз когда Алексис собрался приложить силу, он заметил, как на лбу безумца выступили капли холодного пота.

Он вспомнил, как Святой из его воспоминаний всегда появлялся спокойным и собранным. Он никогда не знал, испытывал ли Святой какую-либо боль.

— Дай мне свою руку. — Тихо сказал он, и клыки вампира слегка обнажились в уголке его губ.
— Я подарю тебе экстаз.